

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 14, Is. 3, pp. 501–514, 2021
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 902 (470.55/58)

DOI: 10.22162/2619-0990-2021-55-3-501-514

Нарушенные парные погребения кожумбердынской культурной группы эпохи поздней бронзы Южного Зауралья

Янина Валерьевна Рафикова¹

¹ Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (д. 71, пр. Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация)
 кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
 0000-0002-2393-9366. E-mail: ziada@bk.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Рафикова Я. В., 2021

Аннотация. Цель статьи — определение времени и характера (прагматичного / ритуального) нарушения парных погребений кожумбердынской культурной группы алакульской культуры эпохи поздней бронзы Южного Урала и Западного Казахстана. *Материалы.* Объектом исследования явились намеренно потревоженные кожумбердынские парные погребения: 19 одновременных и 3 неодновременных. *Результаты.* По степени нарушенности скелетов погребения разделяются на 2 группы. В 1-й останки обоих погребенных нарушены в равной степени — 10 (52,6 %). Преобладают погребения с нарушениями скелетов до костей таза и / или бедренных. Во 2-й группе останки одного из покойников потревожены больше, таких погребений 9 (47,4 %). Как правило, в большей степени нарушены женские костяки, характерной особенностью таких погребений являются манипуляции с их черепом (изъятие, разбивание). Нахождение в подавляющем большинстве могил сосудов *in situ* и точность проникновения в могилы является доказательством их нарушения современниками погребенных. Отсутствие прагматичной цели нарушения косвенно диагностируется отсутствием престижного инвентаря в большинстве непотревоженных парных погребений. Имеется и прямое свидетельство отсутствия интереса нарушителей к ценным украшениям — оставление их в потревоженной части погребения. *Вывод.* Нарушение кожумбердынских парных погребений выполнялось в ходе постпогребальных ритуалов, проводившихся современниками покойных.

Ключевые слова: эпоха бронзы, алакульская культура, кожумбердынская культурная группа, парные погребения, потревоженные погребения, постпогребальные ритуалы

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Духовная культура тюркских народов Южного Урала» (номер госрегистрации: ААА-А-А17-117040350082-3).

Для цитирования: Рафикова Я. В. Нарушенные парные погребения кожумбердынской культурной группы // Oriental Studies. 2021. Т. 14. № 3. С. 501–514. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-55-3-501-514

Disturbed Paired Burials of Kozhumberdy Cultural Group, Late Bronze Southern Urals

Yanina V. Rafikova¹

¹ Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the RAS (71, Oktyabrya Ave., 450054 Ufa, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

 0000-0002-2393-9366. E-mail: ziada@bk.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Rafikova Ya. V., 2021

Abstract. This article *aims at* discussing the time and the character (pragmatic or ritual) of disturbances in paired burials of Kozhumberdy cultural group of Late Bronze Alakul' Culture in the Southern Urals and Western Kazakhstan. *Data.* The object of the study are Kozhumberdy paired burials, which were deliberately disturbed, including 19 simultaneous and 3 non-simultaneous graves. *Results.* The simultaneous burials are divided into two groups according to the degree of skeletal impairment. In the first group the remains of both deceased are equally broken; there are 10 of such burials. The skeletal impairment of pelvic and/or femur bones prevail. In the second group the remains of one of the deceased are broken to a greater degree; there are 9 such burials. As a rule, the female bones suffered more: the skull manipulation (removal, breaking) is their characteristic feature. The fact of the presence of vessels in situ in most graves and the accuracy with which the penetration was accomplished may serve as the evidence of the disturbances made by the contemporaries of the buried. There seems to be no pragmatic purpose for such disturbances: the absence of prestigious grave-goods in most undisturbed paired burials may serve as the indirect indication of this fact. This is supported by direct evidence as well because those who disturbed the graves were apparently not interested in the valuable jewelry; it was left in the disturbed part of the grave. Notably, the disturbance of non-simultaneous burials is like that of simultaneous graves: the skeletons are broken down to the pelvic and/or femur bones (1) and the skulls are removed (2). *Conclusions.* The disturbance of Kozhumberdy paired burials was carried out during post-burial rituals performed by the contemporaries of the deceased.

Keywords: Bronze Epoch, Alakul Culture, Kozhumberdy cultural group, paired burials, disturbed burials, post-burial rituals

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name 'Turkic Peoples of the Southern Urals: Spiritual Culture' (state reg. no. AAAA-A17-117040350082-3).

For citation: Rafikova Ya. V. Disturbed Paired Burials of Kozhumberdy Cultural Group, Late Bronze Southern Urals. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14 (3): 501–514. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2021-55-3-501-514

Введение

Проблема потревоженности большинства погребений эпохи бронзы Северной Евразии является актуальной, поскольку причины их нарушения не очевидны. В последнее время ей была посвящена серия докладов на IV (XX) Археологическом съезде [Бондаренко 2014; Гришин 2014; Епимахов 2014; Новоженев 2014; Подобед, Усачук, Цимиданов 2014], ряд

статей в специальном сборнике [Бондаренко 2016; Гришин 2016; Куприянова 2016; Усманова 2016]. В них рассматриваются 3 версии цели нарушения: 1) прагматичная, 2) ритуальная и 3) прагматично-ритуальная.

Большинство погребений в могильниках эпохи бронзы Северной Евразии одиночные, и они преобладают среди нарушенных, поэтому в объективе внимания исследова-

телей находятся, прежде всего, именно они. Между тем интерес вызывает проникновение в парные погребения, поскольку здесь мы видим не всегда одинаковое отношение нарушителей к покойникам, и благодаря этому мотивы их становятся яснее.

Наибольшее количество парных погребений эпохи бронзы выявлено в могильниках алакульской культуры [Рафикова 2014], и более половины из них происходит из некрополей кожумбердынской культурной группы, время существования которой определяется в рамках сер. 18–12 вв. до н. э. [Ткачев 2016: 73].

Целью исследования кожумбердынских потревоженных парных погребений является определение времени и характера (прагматичного и / или ритуального) их нарушения. Для этого решались задачи: выделение и характеристика групп нарушенных парных погребений; их анализ по наиболее значимым критериям: наличие / отсутствие черепов; оставленные / выброшенные кости нарушенных частей скелетов; наличие / отсутствие / состояние личного инвентаря; целые / разбитые сосуды.

Материалы

По публикациям и архивным материалам известно 43 кожумбердынских парных погребения, из них намеренно потревоженных 22 (51,2 %).

Значительную часть (34 или 79,1 %) кожумбердынских парных погребений составляют одновременные погребения, неодновременных — 9 (20,9 %). Намеренно нарушенных среди одновременных — 19 (55,9 %), неодновременных — 3 (33,3 %). Они происходят из 9 могильников (рис. 1).

Нарушенные одновременные парные погребения

По степени нарушенности костяков погребения разделяются на 2 группы: 1) оба скелета потревожены примерно в равной степени (10 погребений, 52,6 %) и 2) один из скелетов потревожен больше, чем второй¹ — 9 (47,4 %).

Несмотря на однотипное нарушение скелетов, действия нарушителей отличались нюансами, результаты которых выразились в: целых / разбитых сосудах; на-

личии / отсутствии черепов; оставленных / выброшенных костях нарушенных частей скелетов.

В первой группе преобладают случаи с нарушениями скелетов до тазовых и / или бедренных костей (7, или 70 %) (рис. 2, 1–7). В единичных случаях (по 10 %) скелеты потревожены до середины груди (рис. 2, 8); до костей стоп (рис. 2, 9); смещены отдельные кости (рис. 2, 10).

Среди погребений с нарушениями скелетов до тазовых и / или бедренных костей по 3 захоронения взрослых (*Кунакбай-сай огр.*² 1, *Тасты-Бутак 1 огр.* 38, *Кожумберды огр.* 2) и подростков (*Ново-Аккермановка огр.* 8, *Чапаевский ОК*, *Ташла-1 2/12*) и 1 детское (*Тасты-Бутак 1 огр.* 25/2).

Сосуды не тронуты в трех погребениях (*Тасты-Бутак 1 огр.* 25/2 и *огр.* 38, *Ново-Аккермановка огр.* 8). В одном случае уцелел сосуд у головы мужчины, а у головы женщины разбит горшок (*Кожумберды огр.* 2). Еще в одном (*Кунакбай-сай огр.* 2) поврежден единственный (?) сосуд у головы мужчины (рис. 2, 1). Видимо, для нарушавших было важно уничтожить верхние части останков, сосуды здесь не являлись объектами их интереса. Только в двух погребениях (*Чапаевском* и *Ташла-1 2/12*) верхние части могил нарушены полностью, включая и места расположения сосудов (рис. 2, 5).

Обломки черепов обоих костяков находились в могиле в 3-х случаях (*Кунакбай-сай огр.* 2, *Ташла-1 2/12*, *Тасты-Бутак 1 огр.* 25/2), в 2-х — черепа отсутствовали, как и почти все кости верхних частей скелетов (*Кожумберды огр.* 2, *Ново-Аккермановка огр.* 8). В одном случае череп мужчины был целым, а женский — в обломках (*Тасты-Бутак огр.* 38), и в одном — только один череп в обломках (*Чапаевский*). Ситуации с черепами показывают, что нарушителям они были безразличны. Даже в двух случаях их отсутствия, речь не идет о намеренном изъятии, поскольку вместе с ними не было и костей верхних частей скелетов (рис. 2, 3, 6). В единственном случае с целым мужским и пострадавшим женским черепом (*Тасты-Бутак огр.* 38) возможно считать его разбитость преднамеренной (рис. 2, 2).

¹ В эту группу с оговоркой включено и одно погребение, в котором второй скелет не поврежден.

² Оградка.

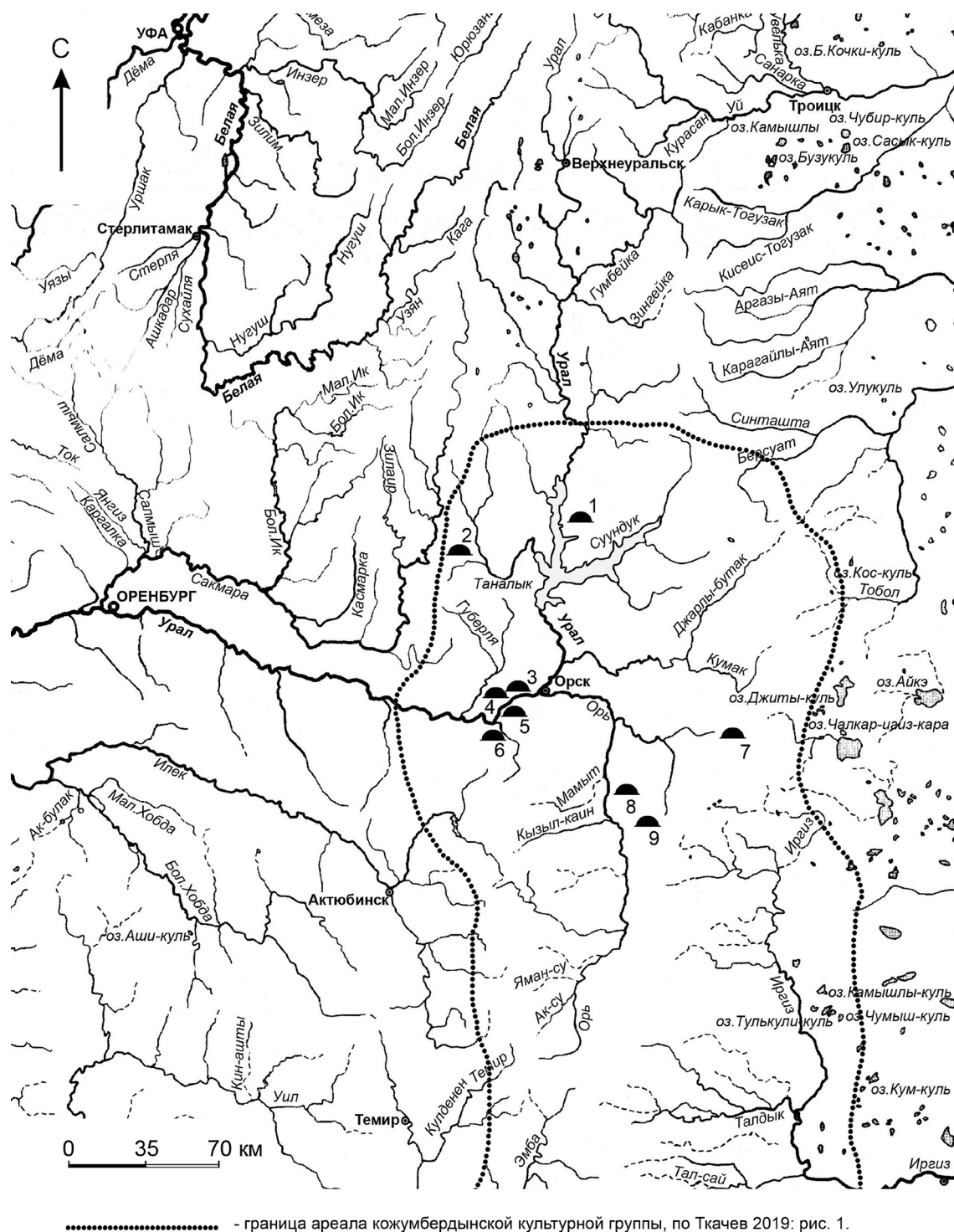

Рис. 1. Могильники кожумбердынской культурной группы с нарушенными парными погребениями: 1 — Чапаевский, 2 — Ташла-1, 3 — Ново-Аккермановка, 4 — Хабарное I, 5 — Кунакбай-сай, 6 — Урал-сай, 7 — Турсумбай II, 8 — Кожумберды, 9 — Тасты-Бутак I

[Fig. 1. Burial grounds of the Kozhumberdy cultural group with disturbed paired burials:

1 — Chapayevskiy, 2 — Tashla-1, 3 — Novo-Akbermanovka, 4 — Khabarnoe I, 5 — Kunakbai-sai, 6 — Ural-sai, 7 — Tursunbai II, 8 — Kozhumberdy, 9 — Tasty-Butak I]

Рис. 2. Нарушенные одновременные парные кожумбердынские погребения 1-й группы (с нарушением обоих костяков в равной степени):

1 — Кунакбай-сай огр. 2 [по: Грязнов 1927: рис. 8], 2 — Тасты-Бутак 1 огр. 38 [по: Сорокин 1962: табл. XXIV], 3 — Кожумберды огр. 2 [по: Кузьмина 1965], 4 — Чапаевский [по: Васильев, Федоров, Рафикова 2008: рис. 4, 2], 5 — Ташла-1 2/12 [по: Рафикова, Савельев 2015а: рис. 3, I], 6 — Ново-Аккермановка огр. 8 [по: Подгаецкий 1940: рис. 14], 7 — Тасты-Бутак 1 огр. 25/2 [по: Сорокин 1962: табл. XVII], 8 — Кожумберды D/1 [по: Кривцова-Гракова 1947: рис. 76, 3], 9 — Урал-сай огр. 8 [по: Грязнов 1927: рис. 18], 10 — Тасты-Бутак 1 огр. 48 [по: Сорокин 1962: табл. XXXI]

[Fig. 2. Broken simultaneous paired Kozhumberdy burial of group 1 (with disturbance of both backbone equally):

1 — Kunakbai-sai ogr. 2 [by: Gryaznov 1927: fig. 8], 2 — Tasty-Butak 1 ogr. 38 [by: Sorokin 1962: Table XXIV], 3 — Kozhumberdy ogr. 2 [by: Kuzmina 1965], 4 — Chapayevsky [by: Vasiliev, Fedorov, Rafikova 2008: fig. 4, 2], 5 — Tashla-1 2/12 [by: Rafikova, Savelyev 2015a: fig. 3, I], 6 — Novo-Akkermanovka ogr. 8 [by: Podgaetsky 1940: fig. 14], 7 — Tasty-Butak 1 ogr. 25/2 [by: Sorokin 1962: Table XVII], 8 — Kozhumberdy D/1 [by: Krivtsova-Grakova 1947: fig. 76, 3], 9 — Ural-sai ogr. 8 [by: Gryaznov 1927: fig. 18], 10 — Tasty-Butak 1 ogr. 48 [by: Sorokin 1962: Table XXXI]

Обращение со смещенными останками в могиле различно. Наиболее полная комплектность нарушенных костей скелетов в *Кунакбай-сай огр. 2*, где они находились: «в беспорядке и на разной глубине» [Грязнов 1927: 12]. В остальных случаях в нарушенной части могилы — отдельные кости и их обломки (*Тасты-Бутак 1 огр. 38, 25/2*, *Чапаевский, Ташла-1 2/12*) или кости вообще отсутствовали (*Ново-Аккермановка огр. 8*, *Кожумберды огр. 2*). Видимо, лишь случайно в нарушенной половине могилы детей (*Тасты-Бутак 1 огр. 25/2*) остался нетронутым участок, где *in situ* находились ребра мальчика и фрагмент предплечья девочки с brasлетом (рис. 2, 7).

Очевидно, что целью нарушителей во всех рассмотренных случаях было разрушение верхних частей скелетов.

В двух из трех могил рассматриваемой группы с нетипичным характером нарушений они реализованы по тому же сценарию, что и в выше рассмотренных погребениях — костяки разрушены до определенного уровня, но уровень этот иной. В *Кожумберды D/1* костяки нарушены чуть выше уровня таза, до средней части грудных клеток. Сосуды не тронуты (рис. 2, 8). В *Урал-сай огр. 8* могила нарушена почти полностью, целым остался только ее юго-восточный угол, где *in situ* находились «обе берцовые и ступня правой ноги, обломок малой берцовой и ступня левой ноги мужского костяка, обе ступни женского костяка» [Грязнов 1927: 185]. Нарушенные кости скелетов находятся в полном беспорядке, но в двух компактных скоплениях (рис. 2, 9). Фрагменты двух разбитых сосудов расположены в изголовье женского костяка. Несмотря на сильную нарушенность, по составу и количеству украшений, обнаруженных в погребении, оно является самым «богатым».

Иной, избирательный сценарий нарушений в погребении взрослой женщины с подростком (*Тасты-Бутак 1 огр. 48*). Сдвинуты с мест черепа погребенных, отсутствуют (частично?) кости их рук, не хватает ребер у женского костяка, сдвинуты с места кости левой ноги подростка. Два сосуда в головах погребенных *in situ* (рис. 2, 10). Нарушенными оказались те части тела женщины, где обычно находятся украшения, изъятие которых и было, возможно, целью проник-

новения, а кости подростка, вероятно, сдвинуты случайно.

Характер нарушений погребений этой группы, за исключением *Тасты-Бутак 1 огр. 48*, свидетельствует об отношении нарушителей к обоим покойникам как к единому целому. Нетронутые в большинстве случаев сосуды в головах погребенных говорят об осведомленности нарушителей об их расположении. Погребение *Кожумберды огр. 2*, по мнению автора раскопок, «было разграблено в древности, когда скелеты еще не распались» [Кузьмина 1965: 22]. Данные факты свидетельствуют о нарушении могил современниками усопших.

В трех (30 %) случаях в нарушенной части могил обнаружены украшения. В нетронутой части могил инвентарь обнаружен в четырех (40 %) случаях. Большинство целых парных погребений не содержали богатого набора украшений, и нет оснований предполагать, что в нарушенных захоронениях этот набор был значительно богаче. Видимо, целью нарушения не являлось изъятие украшений.

Во второй группе (рис. 3) погребения разделяются на те, где более потревожен женский скелет, и на те, где больше нарушен мужской. Преобладают случаи большего нарушения женского скелета — 6 (66,7 %), значительно меньше случаев большей нарушенности мужского — 2 (22,2 %). В одном (11,1 %) погребении сложно судить, чей скелет нарушен больше, поскольку пол погребенных определить сложно.

Из 6 погребений с большей нарушенностью женского скелета в трех находились взрослые, в трех — подростки.

В *Кунакбай-сай огр. 1* у скелета мужчины в беспорядке находились череп, кости рук и верхней части грудной клетки (рис. 3, 4). Скелет женщины в этом погребении нарушен до костей таза [Грязнов 1927: 12]. О черепе женщины сведений нет. Инвентарь не обнаружен.

В *Кожумберды огр. 3* у скелета № 1 на левом боку *in situ* сохранились ребра, таз и левая нога, перекрывавшая берцовую кость скелета № 2 на правом боку. Все остальные его кости смещены. В нарушенной части могилы под большим скоплением костей найдены две бронзовые височные подвески, плакированные золотой фольгой [Кузьмина 1965: 22–24].

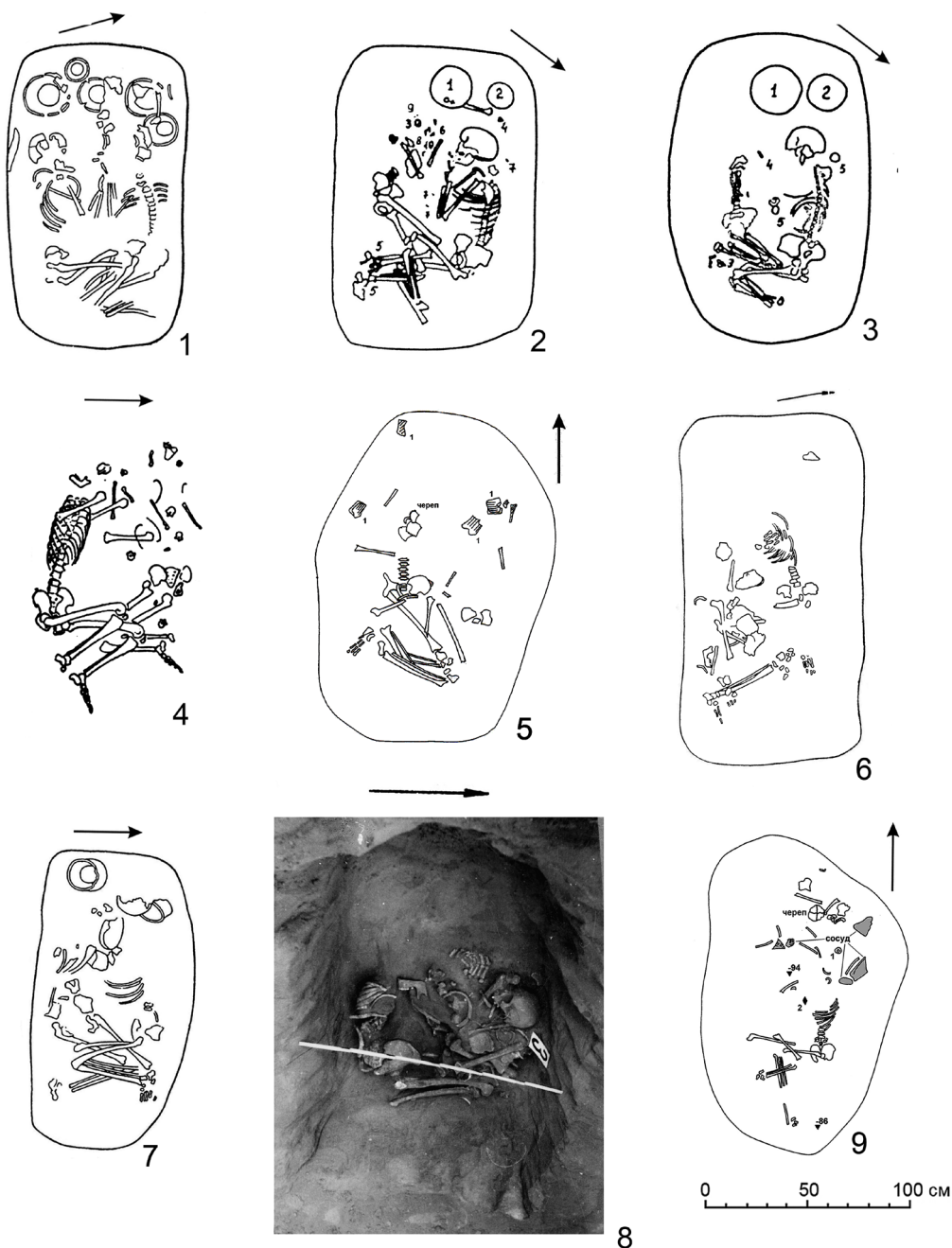

Рис. 3. Нарушенные одновременные парные кожумбердынские погребения 2-й группы (с большей степенью нарушения одного из костяков):

1 — Тасты-Бутак 1 огр. 20/3 [по: Сорокин 1962: табл. XIV], 2 — Турсумбай II 6/3 [по: Кузьмина 1962: 78], 3 — Турсумбай II 6/2 [по: Кузьмина 1962: 78], 4 — Кунакбай-сай огр. 1 [по: Грязнов 1927: рис. 7], 5 — Ташла-1 4/2 [по: Рафикова, Савельев 2015б: рис. 2, 3], 6 — Тасты-Бутак 1 огр. 22/2 [по: Сорокин 1962: табл. XV], 7 — Тасты-Бутак 1 огр. 22/4 [по: Сорокин 1962: табл. XV], 8 — Кожумберды огр. 3 [по: Кузьмина 1965], 9 — Ташла-1 2/14 [по: Рафикова, Савельев 2015а: рис. 3, Л]

[Fig. 3. Disturbed simultaneous paired Kozhumberdy burials of group 2 (with a greater degree of disturbance of one of the bones).

1 — Tasty-Butak 1 ogr. 20/3 [in: Сорокин 1962: табл. XIV], 2 — Tursumbai II 6/3 [in: Кузьмина 1962: 78], 3 — Tursumbai II 6/2 [in: Кузьмина 1962: 78], 4 — Kunakbay-sai ogr. 1 [by: Грязнов 1927: рис. 7], 5 — Tashla-1 4/2 [by: Рафикова, Савельев 2015б: рис. 2, 3], 6 — Tasty-Butak 1 ogr. 22/2 [in: Сорокин 1962: табл. XV], 7 — Tasty-Butak 1 ogr. 22/4 [in: Сорокин 1962: табл. XV], 8 — Kozhumberdy ogr. 3 [in: Кузьмина 1965], 9 — Tashla-1 2/14 [by: Рафикова, Савельев 2015а: рис. 3, Л]

По наблюдению Е. Е. Кузьминой, сдвинутые с места «грабителями» кости одного из погребенных в *Кожумберды огр. 3* еще находились в сочлененном состоянии. В западной части *in situ* стояли два сосуда [Кузьмина 1965: 23]. По определению антрополога В. В. Куфтерина, которому автор выражает глубокую признательность, на левом боку лежал мужчина.

В *Таила-1 4/2* скелет мужчины нарушен до нижней части позвоночника, от черепа остался лишь один смещенный фрагмент. От женского скелета в положении *in situ* остались таз, левая бедренная кость и фрагменты левых берцовых костей, череп отсутствовал. Разрозненные фрагменты сосуда перемешаны с обломками костей в головной части могилы (рис. 3, 5).

Два погребения подростков происходят из оградки 6 погребения *Турсумбай II*. В основном погребении 3 скелет мальчика и два сосуда находились *in situ*, а у скелета девочки отсутствовал череп, «от верхней части скелета уцелела лопатка, кости рук и нижняя челюсть» [Кузьмина 1962: 28] (рис. 3, 2). В периферийном погребении 2 у девочки череп, кости рук и несколько ребер отсутствуют, *in situ* находится позвоночник, часть ребер, таз и кости ног. У скелета мальчика отсутствовали нижняя челюсть, кости рук и несколько ребер. Остальные кости его скелета находились *in situ*, как и сосуды, стоявшие в головах погребенных (рис. 3, 3). В нарушенной части погребения *огр. 6/3* найдены: «за отсутствующей головой — раковина», «рядом с челюстью, где должен быть череп бронзовая бляшка Д³ 4 см, рядом с ней — пастовые бусы», «под обломками рук найдены фрагменты бронзового браслета», вблизи от скелета — обломки бронзы [Кузьмина 1962: 29]. В *огр. 6/2* найдены также раковина в месте «за черепом» девочки, на месте рук — обломок бронзы, две другие раковины — рядом с тазом между скелетами [Кузьмина 1962: 27]. Мелкие разрозненные предметы, обнаруженные в могиле, свидетельствуют, что ими просто пренебрегли.

Детско-подростковые погребения менее нарушены, чем взрослые, в них и сосуды, стоявшие в головах, не пострадали. Проникновение в могилы было «точечным»,

объектом внимания нарушителей являлись верхние части скелетов девочек-подростков, их черепа изъяты. Есть еще один случай «особого отношения» к женскому черепу (*Тасты-Бутак 1 огр. 20/3*), где, по словам автора раскопок, череп скелета, лежавшего на правом боку, «в результате нарушения могилы разломан на две части» [Сорокин 1962: 18]. Других нарушений костяков в могиле нет, и все 5 сосудов, стоящие в головах погребенных остались целыми (рис. 3, 1). Это случай «сверхточечного» проникновения в могилу. По данным антрополога В. В. Гинзбурга, у этого черепа «в области затылочной кости следы удара тупым оружием» [Гинзбург 1962: 188].

Во всех рассмотренных случаях мужские черепа или их обломки находились в могилах, в то время как женские черепа отсутствовали или подвергались разрушению.

В детско-подростковых погребениях только единожды пострадал скелет мальчика (*Турсумбай II 6/2*), и, вероятно, это произошло не намеренно: при манипуляциях с останками девочки нарушители зацепили и нижнюю челюсть, и руки, и верхнюю часть ребер мальчика.

Два погребения, где более нарушены мужские останки, происходят из *огр. 22 Тасты-Бутак 1* (погребения 2 и 4). Головная часть основного погребения 2 взрослого с девочкой-подростком нарушена полностью — ни сосудов, ни черепов погребенных нет (рис. 3, 6). Большинство костей мужчины, в том числе и нижняя челюсть, находятся в перемешанном состоянии вместе с фрагментами разбитого сосуда, «на месте только кости левой голени и стопы», у девочки-подростка в «первоначальном положении часть позвонков и ребер, одно бедро и несколько костей правой стопы» [Сорокин 1962: 19]. Ее черепа или его обломков в могиле нет. Основной целью нарушения здесь являлись останки мужчины, но нельзя обойти вниманием и отсутствие в могиле женского черепа.

В детско-подростковом погребении 4 скелет мальчика нарушен до костей таза, у девочки — до нижних ребер (рис. 3, 7). Большинство костей нарушенных частей скелетов отсутствуют. В ситуации с черепами нет ясности. В головах погребенных 2 сосуда: над головой мальчика *in situ*, над головой девочки разбит. Могила нарушена примерно до середины, и неравномерность

³ Диаметром.

нарушений скелетов обусловлена несимметричным расположением тел погребенных: таз мальчика находится на уровне грудной клетки девочки. Фактически мы имеем только одно погребение, где целенаправленно в большей степени были нарушены мужские останки (*Тасты-Бутак I 22/2*).

В погребении подростков (*Таила-1 2/14*) их пол не устанавливается даже по косвенным признакам. Наибольшие нарушения зафиксированы у скелета на левом боку (рис. 3, 9).

В большинстве погребений этой группы нарушены женские останки, и особое внимание уделено женским черепам. В детско-подростковых могилах сосуды в большинстве случаев не тронуты. Проникновение в них было «точечным», в отличие от погребений взрослых, где сосуды разбиты и нарушения костяков более масштабные. Судя по «точечности» проникновения в детско-подростковые могилы, нарушать их могли очевидцы погребальных церемоний. О проникновении в могилу современников погребенных, можно говорить и в отношении одного из погребений взрослых — *Кожумберды огр. 3*, в котором сочленения костей одного из погребенных к моменту нарушения еще не распались.

Инвентарь в нарушенной части могил обнаружен в 4 (44,4 %) случаях. Кроме одного погребения с относительно ценными предметами — парой бронзовых подвесок, плакированных золотом (*Кожумберды огр. 3*), в остальных это довольно скромные вещи. В нетронутой части могил инвентарь обнаружен в 4 (44,4 %) случаях: бронзовые бусы на щиколотках ног (*Турсумбай II 6/2 и 6/3, Тасты-Бутак-1 22/4*) и бараньи астрагалы в сосуде и около него (*Тасты-Бутак-1 20/3*). В рассмотренной группе как будто больше оснований считать, что целью проникновений было изъятие украшений, поскольку в большей степени нарушались женские останки и изымались их черепа, на которых они могли быть. Отметим однако, что в ненарушенном парном погребении подростков *Турсумбай II 26/1* украшением головы девочки являлась единственная бронзовая височная подвеска [[Кузьмина 1962: 36](#)]. В вышеупомянутом погребении взрослых *Кожумберды огр. 3* височные подвески, плакированные золотом, по-видимому, не привлекли внимание нарушителей. Скорее всего, изъятие ценностей не являлось их целью при вторжении и в могилы этой группы.

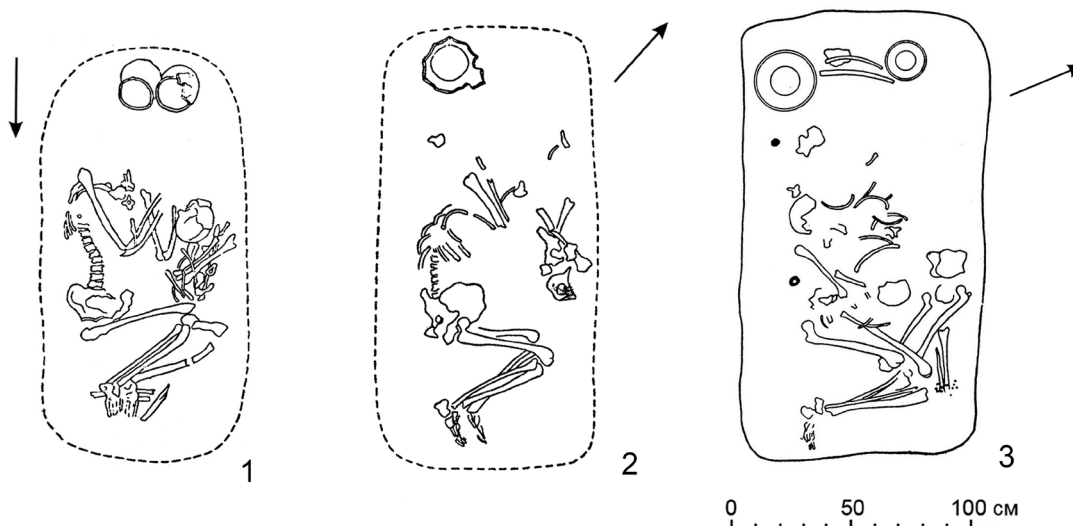

Рис. 4. Нарушенные неодновременные парные кожумбердынские погребения:

1 — *Тасты-Бутак I огр. 30/1* [по: [Сорокин 1962: табл. XXI](#)], 2 — *Тасты-Бутак I огр. 4* [по: [Сорокин 1962: табл. II](#)], 3 — *Тасты-Бутак I огр. 43* [по: [Сорокин 1962: табл. XXVII](#)]

[Fig. 4. Violated non-simultaneous paired Kozhumberdy burial:

1 — *Tasty-Butak I огр. 30/1* [in: [Сорокин 1962: табл. XXI](#)], 2 — *Tasty-Butak I огр. 4* [in: [Сорокин 1962: табл. II](#)], 3 — *Tasty-Butak I огр. 43* [in: [Сорокин 1962: табл. XXVII](#)]

Нарушенные неодновременные парные погребения

Из 9 кожумбердынских неодновременных парных погребений преднамеренно нарушено 3 (33,3 %). Все они происходят из одного могильника — *Тасты-Бутак I* (рис. 4). В двух из них мужчина подхоронен к женщине (огр. 4 и 43), в одном — женщина к мужчине (огр. 30/1).

Два погребения относятся к тем, где подхоронение второго покойника произведено по истечении значительного временного промежутка и останки первого покойника расположены грудой (огр. 30/1 — подхоронена женщина, огр. 4 — подхоронен мужчина). В одном случае подхоронение мужчины совершено к покойнице по истечении менее значительного временного промежутка, когда сочленения ее суставов разложились, но не настолько, чтобы распались все кости (огр. 43).

В первых двух погребениях нарушение останков позднее захороненных покойных однотипно — в области их головы. В огр. 30/1 череп подхороненной женщины сдвинут в сторону груды костей второго покойника, череп которого, в свою очередь, отсутствовал (рис. 4, 1). В огр. 4 изъят череп у обоих останков (рис. 4, 2).

В огр. 43 нарушение имеет иной характер: костяк мужчины нарушен до бедренных костей, женщины — до тазовых. В нарушенной части мужского костяка группируются обломки костей, среди которых, возможно, имеется обломок черепа (?). Кости же верхней части скелета девушки отсутствуют вместе с ее черепом (рис. 4, 3).

Во всех целых неодновременных парных погребениях у обоих покойников черепа были на месте, в том числе и в тех случаях, когда останки ранее захороненного представляли собой груды костей [Рафикова 2018а: рис. 3]. Не исключено, что одной из целей проникновения нарушителей здесь являлось изъятие черепов у мужчины (огр. 30/1), женщины (огр. 43) и обоих (огр. 4).

Сосуды *in situ* находились в двух могилах — огр. 30/1 и 43, в огр. 4 обломки двух сосудов оказались в заполнении не в результате нарушения, а, видимо, при вскрытии могилы для захоронения второго покойника [Сорокин 1962: 101].

Во всех случаях в нарушенной части могил обнаружены мелкие предметы

украшений [Сорокин 1962: 12, 20–21, 23]. В остальных могильниках, где исследованы неодновременные погребения, — *Ново-Аккермановка*, *Байту II*, *Гюрюльдек*, *Березовский V*, они не тронуты, притом, что все они находились в центральных могилах, а, как известно, именно они более всего подвергались нарушению. Возможно, существовало табу на их нарушение. Так, в *Березовском V* могильнике в 4-х из 5 исследованных курганов все центральные могилы нарушены, нетронутой осталась только одна — с неодновременным парным захоронением [Федоров, Рафикова 1996; Рафикова 2018б].

В могильнике *Гюрюльдек* из 4 раскопанных курганов центральные погребения не потревожены только в двух самых крупных, в которых находились неодновременные захоронения [Бисембаев, Умрихин 2011]. Не исключено, что акт подхоронения был в чем-то равнозначен акту нарушения.

Заключение

В обеих рассмотренных группах кожумбердынских нарушенных погребений преобладают случаи нахождения сосудов *in situ* и имеются хоть и единичные (Кожумберды огр. 2 и 3), но все же находки сочлененных костей. Отмечается «точечность» и «сверхточечность» проникновений. Все это свидетельствует о том, что погребения нарушались очевидцами погребальных церемоний.

В обеих группах оставшийся в нарушенной части могил личный инвентарь, состоявший, как правило, из мелких украшений, с одной стороны, дает почву для предположения об их нарушении с целью изъятия более ценных вещей. Особенно это касается погребений, где от вторжения более всего пострадали женские останки. С другой стороны, большинство потревоженных кожумбердынских парных погребений не содержат «богатых» украшений. Красноречивый случай с оставлением бронзовых подвесок, плакированных золотом из *Кожумберды* огр. 3, не привлечших нарушителей. Это ослабевает прагматичную версию нарушения, при принятии которой и нарушения мужских костяков выглядят избыточными.

Исследователями было высказано мнение, что нарушение могил эпохи бронзы связано с идеей обезвреживания покойников [Корочкова, Стефанов 1999: 82; Подо-

бед, Усачук, Цимидапов 2014: 630]. По мнению Е. В. Куприяновой, именно нарушение верхней части тел погребенных делало их безопасными [Куприянова 2016: 93]. Такую картину мы видим в погребениях 1 группы. Что касается 2-й группы погребений, где более всего нарушен женский скелет, то в свете высказанной специалистами идеи, напрашивается предположение о большей опасности покойниц.

В целом ритуал нарушения парных погребений оставляет противоречивые впечатления. С одной стороны, в 1-й группе погребений — отношение к погребенным как

единому целому. С другой стороны, большая нарушенность женских останков, чем мужских, возможно, отражает отношение к женщинам в обществе. Нарушения неодновременных погребений осуществлялись реже, они показывают более «ровное» отношение к обоим покойникам. Нам уже приходилось писать о том, что в неодновременных погребениях мужчина и женщина, как правило, имеют равный статус [Рафикова 2020].

Таким образом, кожумбердынские парные погребения нарушались современниками погребенных в процессе исполнения постпогребальных ритуалов.

Источники

- Кузьмина 1962 — Кузьмина Е. Е. Отчет Еленовского отряда Оренбургской археологической экспедиции 1962 г. // Архив Института археологии РАН. Ф-1. Р-1. № 2500.
- Кузьмина 1965 — Кузьмина Е. Е. Отчет Еленовского отряда Оренбургской археологической экспедиции 1965 г. // Архив Института археологии РАН. Ф-1. Р-1. № 3081.
- Федорова-Давыдова 1959 — Федорова-Давыдова Э. А. Отчет о работе Оренбургской археологической экспедиции ГИМ за 1959 г. // Архив Института археологии РАН. Ф-1. Р-1. № 2227.

Литература

- Бисембаев, Умрихин 2011 — Бисембаев А. А., Умрихин С. М. Могильник эпохи поздней бронзы в Актюбинской области // Краткие сообщения института археологии РАН. 2011. Вып. 225. С. 263–274.
- Бондаренко 2014 — Бондаренко А. В. Нарушенные погребения эпохи бронзы Зауралья и Западной Сибири (по материалам федоровской культуры) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. I / отв. ред. А. П. Деревянко, Н. А. Макаров, А. Г. Ситдилов. Казань: Отечество, 2014. С. 539–542.
- Бондаренко 2016 — Бондаренко А. В. Нарушенные погребения андроновской, еловской и ирменской культур (по материалам Еловского II могильника) // Древние некрополи и поселения: постпогребальные ритуалы, символические захоронения и ограбления. Труды ИИМК РАН. Т. 46. СПб.: ИИМК РАН, 2016. С. 56–71.
- Васильев, Федоров, Рафикова 2008 — Васильев В. Н., Федоров В. К., Рафикова Я. В. Но-

Sources

- Fedorova-Davydova E. A. Orenburg Archaeological Expedition of State Historical Museum: 1959 Scientific Progress Report. At: Institute of Archaeology (RAS), Scientific Archives. Coll. Ф-1. Cat. Р-1. File no. 2227. (In Russ.)
- Kuzmina E. E. Yelenovsky Crew of Orenburg Archaeological Expedition: 1962 Scientific Progress Report. At: Institute of Archaeology (RAS), Scientific Archives. Coll. Ф-1. Cat. Р-1. File no. 2500. (In Russ.)
- Kuzmina E. E. Yelenovsky Crew of Orenburg Archaeological Expedition: 1965 Scientific Progress Report. At: Institute of Archaeology (RAS), Scientific Archives. Coll. Ф-1. Cat. Р-1. File no. 3081. (In Russ.)

вые погребальные памятники эпохи бронзы из Оренбургского Зауралья // Уфимский археологический вестник. 2008. Вып. 8. С. 39–43.

- Гинзбург 1962 — Гинзбург В. В. Материалы к антропологии населения Западного Казахстана в эпоху бронзы (захоронения могильника Тасты-Бутак 1 в Актюбинской области). Приложение № 1 // Сорокин В. С. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак 1 в Западном Казахстане. Материалы и исследования по археологии СССР. 1962. № 120. С. 186–198.
- Гришин 2014 — Гришин А. Е. Преднамеренно нарушенные погребения могильника кротовской культуры Сопка-2/4Б: к реконструкции мотивов постингумационного проникновения // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. I / отв. ред. А. П. Деревянко, Н. А. Макаров, А. Г. Ситдилов. Казань: Отечество, 2014. С. 548–551.
- Гришин 2016 — Гришин А. Е. Преднамеренно нарушенные погребальные комплексы оди-

- новского некрополя *Сопка-2/4 А* (бронзовый век Обь-Иртышского междуречья) // Древние некрополи и поселения: постпогребальные ритуалы, символические захоронения и ограбления. Труды Института истории материальной культуры РАН. Т. 46. СПб.: ИИМК РАН, 2016. С. 72–83.
- Грязнов 1927 — *Грязнов М. П.* Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане // Материалы особого комитета по исследованию союзных и автономных республик. Вып. II. Казаки. Л.: Изд АН СССР, 1927. С. 172–221.
- Епимахов 2014 — *Епимахов А. В.* Потребованные погребения бронзового века Южного Урала: факты и интерпретации // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. I / отв. ред. А. П. Деревянко, Н. А. Макаров, А. Г. Ситдилов. Казань: Отечество, 2014. С. 561–563.
- Корочкова, Стефанов 1999 — *Корочкова О. Н., Стефанов В. И.* О некоторых особенностях погребальной практики населения алакульской культуры в Зауралье // XIV Уральское археологическое совещание (г. Челябинск, 21–24 апреля 1999 г.): Тезисы докладов / отв. ред. С. А. Григорьев. Челябинск: Рифей, 1999. С. 81–82.
- Кривцова-Гракова 1947 — *Кривцова-Гракова О. А.* Кожумбердынский могильник. Выдержки из дневника раскопок // Алексеевское поселение и могильник. Труды Государственного исторического музея. 1947. Вып. XVII. С. 165–169.
- Куприянова 2016 — *Куприянова Е. В.* Следы постпогребальной деятельности в могильниках эпохи бронзы: ограбление или обряд? (На примере памятников у с. Степное) // Древние некрополи и поселения: постпогребальные ритуалы, символические захоронения и ограбления. Труды Института истории материальной культуры РАН. Т. 46. 2016. С. 84–95.
- Новоженков 2014 — *Новоженков В. А.* Разграбление могил как коммуникативный месседж // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. I / отв. ред. А. П. Деревянко, Н. А. Макаров, А. Г. Ситдилов. Казань: Отечество, 2014. С. 622–628.
- Подгаецкий 1940 — *Подгаецкий Г. В.* Могильник эпохи бронзы близ г. Орска // Материалы и исследования по археологии СССР. 1940. № 1. С. 69–81.
- Подобед, Усачук, Цимиданов 2014 — *Подобед В. А., Усачук А. Н., Цимиданов В. В.* «Ограбление» могил в культурах эпохи бронзы степной и лесостепной Евразии // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. I / отв. ред. А. П. Деревянко, Н. А. Макаров, А. Г. Ситдилов. Казань: Отечество, 2014. С. 628–631.
- Рафикова 2014 — *Рафикова Я. В.* Парные погребения алакульской культуры на Южном Урале // Арии степей Евразии: Эпоха бронзы и раннего железа в степях Евразии и на сопредельных территориях: Сб. памяти Е. Е. Кузьминой. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2014. С. 228–243.
- Рафикова 2018а — *Рафикова Я. В.* Неодновременные парные погребения из алакульских могильников Южного Урала и Западного Казахстана // Мужской и женский мир в отражении археологии: мат-лы Всеросс. с междунар. участием науч. конф. (г. Уфа, 19–22 ноября 2018 г.). Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2018. С. 50–62.
- Рафикова 2018б — *Рафикова Я. В.* Нарушенное парное погребение кургана 9 Березовского V могильника в Восточном Оренбуржье // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г. И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И. Б. Васильева: мат-лы Всеросс. науч. конф. с междунар. участием (г. Самара, 8–11 октября 2018 г.). Самара: Изд-во СГСПУ; ООО «Порто-принт», 2018. С. 159–161.
- Рафикова 2020 — *Рафикова Я. В.* Неодновременные парные алакульские погребения как свидетельства прочности брачных союзов у населения эпохи поздней бронзы Южного Урала и Западного Казахстана // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 455. Июнь. С. 131–137. DOI: 10.17223/15617793/455/19
- Рафикова, Савельев 2015а — *Рафикова Я. В., Савельев Н. С.* Парные погребения могильника эпохи поздней бронзы *Таиш-1* в Башкирском Зауралье // Этнические взаимодействия на Южном Урале: мат-лы VI Всеросс. науч. конф. / отв. ред. А. Д. Таиров. Челябинск: Чел. ГKM, 2015. С. 151–159.
- Рафикова, Савельев 2015б — *Рафикова Я. В., Савельев Н. С.* Нарушенные погребения могильника эпохи поздней бронзы *Таиш-1* в Башкирском Зауралье // Уфимский археологический вестник. 2015. Вып. 15. С. 13–20.
- Сорокин 1962 — *Сорокин В. С.* Могильник бронзовой эпохи *Тасты-Бутак 1* в Западном Казахстане // Материалы и исследования по археологии СССР. 1962. № 120. 207 с.
- Ткачев 2016 — *Ткачев В. В.* Радиоуглеродная хронология кожумбердынской культурной группы на западной периферии алакульско-

- го ареала // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 3 (34). С. 68–77.
- Ткачев 2019 — Ткачев В. В. Горно-металлургическое производство в структуре хозяйственно-культурных моделей западной периферии алакульской культуры // Уральский исторический вестник. 2019. № 1 (62). С. 38–47.
- Усманова 2016 — Усманова Э. Р. Символические и разрушенные захоронения в «тексте» андроновского погребального обряда (по материалам памятников Лисаковской округи) // Древние некрополи и поселения: постпогребальные ритуалы, символические захоронения и ограбления. Труды Института истории материальной культуры РАН. Т. 46. СПб.: ИИМК РАН, 2016. С. 56–71.
- Федоров, Рафикова 1996 — Федоров В. К., Рафикова Я. В. Березовский V курганный могильник эпохи бронзы в Южном Зауралье // Башкирский край. Вып. 6. Уфа, 1996. С. 49–71.
- Committee for the Study of the Union and Autonomous Republics. Vol. II: Qazaq People. Leningrad, 1927. Pp. 172–221. (In Russ.)
- Grishin A. E. Intentionally disturbed burial assemblages at necropolis of *Sopka-2/4A* (Odinovo culture, Bronze Age in the Ob-Irtysh interfluvium). In: Ancient Necropolises and Settlements. Post-Burial Rites, Symbolic Burials and Grave Plundering. Ser. 'Institute for the History of Material Culture (RAS). Transactions'. Vol. 46. St. Petersburg: Institute for the History of Material Culture (RAS), Nevskaya Knizhnaya Tipografiya, 2016. Pp. 72–83. (In Russ.)
- Grishin A. E. Intentionally disturbed burials of the burial ground *Sopka-2/4B* (Krotovskaya culture): reconstructing the motives of post inhumation penetration. In: Derevyanko A. P., Makarov N. A., Sitdikov A. G. (eds.) Transactions of the Fourth (Twentieth) National Archaeological Congress in Kazan. Vol. II. Kazan: Otechestvo, 2014. Pp. 548–551. (In Russ.)
- Korochkova O. N., Stefanov V. I. On some features of burial practice among the population of Alakul culture in the Transurals. In: Grigoriev S. A. (ed.). Fourteenth Ural Archaeological Meeting (April 21–24, 1999): Report Abstracts. Chelyabinsk: Rifei, 1999. Pp. 81–82. (In Russ.)
- Krivtsova-Grakova O. A. Kozhumberdinsky burial ground. Excerpts from the diary of excavations. In: Alekseevskoe Settlement and Burial Ground. Ser. 'Institute for the History of Material Culture (RAS). Transactions'. Vol. XVII. 1948. Pp. 165–169. (In Russ.)
- Kupriyanova E. V. Traces of post-burial activity in Bronze Age cemeteries: robbery or ritual? (With reference to the sites near the Stepnoye village). In: Ancient Necropolises and Settlements. Post-Burial Rites, Symbolic Burials and Grave Plundering. Ser. 'Institute for the History of Material Culture (RAS). Transactions'. Vol. 46. St. Petersburg: Institute for the History of Material Culture (RAS), Nevskaya Knizhnaya Tipografiya, 2016. Pp. 84–95. (In Russ.)
- Bisembayev A. A., Umrikhin S. M. Late Bronze Age burial ground discovered in Aktobe Region. *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii RAN*. 2011. No. 225. Pp. 263–274. (In Russ.)
- Bondarenko A. V. Disturbed Bronze Age burials in the Transurals and Western Siberia: a case study of the Fedorovo culture. In: Derevyanko A. P., Makarov N. A., Sitdikov A. G. (eds.) Transactions of the Fourth (Twentieth) National Archaeological Congress in Kazan. Transactions. Vol. I. Kazan: Otechestvo, 2014. Pp. 539–542. (In Russ.)
- Bondarenko A. V. Disturbed burials of the Andronovo, Elovka and Irmen cultures: a case study of Elovka II burial ground. In: Ancient Necropolises and Settlements. Post-Burial Rites, Symbolic Burials and Grave Plundering. Ser. 'Institute for the History of Material Culture (RAS). Transactions'. Vol. 46. St. Petersburg: Institute for the History of Material Culture (RAS), Nevskaya Knizhnaya Tipografiya, 2016. Pp. 56–71. (In Russ.)
- Epimakhov A. V. Disturbed burials of the Bronze Age in the Southern Urals: facts and interpretations. In: Sitdikov A. G., Makarov N. A., Derevyanko A. P. (eds.) Transactions of the Fourth (Twentieth) National Archaeological Congress in Kazan. Vol. II. Kazan: Otechestvo, 2014. Pp. 561–563. (In Russ.)
- Fedorov V. K., Rafikova Ya. V. Berzovsky V kurgan burial ground of the Bronze Age in the Southern Trans-Urals. *Bashkirskiy kray*. 1996. No. 6. Pp. 49–71. (In Russ.)
- Ginzburg V. V. Materials for the anthropology of the population of Western Kazakhstan in the Bronze Age (burials of the Tasty-Butak 1 burial ground in Aktobe Region). Appendix No. 1. In: Sorokin V. S. Bronze Age Burial ground of Tasty-Butak 1 in Western Kazakhstan. Ser. 'Soviet Archaeology: Materials and Studies'. 1962. Vol. 120. Pp. 186–198. (In Russ.)
- Griaznov M. P. Burials of the Bronze Age in Western Kazakhstan. In: Materials of the Special

- Novozhenov V. A. Grave plundering as a communicative message. In: Derevyanko A. P., Makarov N. A., Sitdikov A. G. (eds.) Transactions of the Fourth (Twentieth) National Archaeological Congress in Kazan. Vol. II. Kazan: Otechestvo, 2014. Pp. 622–628. (In Russ.)
- Podgaetsky G. V. Burial ground of the Bronze age near the city of Orsk. *MIA (Soviet Archaeology: Materials and Studies)*. 1940. No. 1. Pp. 69–81. (In Russ.)
- Podobed V. A., Usachuk A. N., Tsimidanov V. V. 'Grave robbing' in Bronze Age cultures of steppe and forest-steppe Eurasia. In: Derevyanko A. P., Makarov N. A., Sitdikov A. G. (eds.) Transactions of the Fourth (Twentieth) National Archaeological Congress in Kazan. Vol. II. Kazan: Otechestvo, 2014. Pp. 628–631. (In Russ.)
- Rafikova Ya. V. Non-simultaneous paired Alakul burials as evidence of stable marital unions of the Late Bronze population of South Urals and West Kazakhstan. *Tomsk State University Journal*. 2020. No. 455. Pp. 131–137. (In Russ.) DOI: 10.17223/15617793/455/19
- Rafikova Ya. V. Non-simultaneous paired burials from Alakul burial grounds in the Southern Urals and Western Kazakhstan. In: Male and Female World in the Archaeological Reflection. Conference proceedings (Ufa; November 19–22, 2018). Ufa: Institute of History, Language and Literature (Ufa Research Centre of RAS), 2018. Pp. 50–62. (In Russ.)
- Rafikova Ya. V. Paired burials of the Alakul culture in the Southern Urals. In: Razlogov K. E. (ed.) The Aryans in the Eurasian Steppes: The Bronze and Early Iron Ages in the Steppes of Eurasia and Contiguous Territories. Elena Kuzmina Memorial Volume. Barnaul: Altai State University, 2014. Pp. 228–243. (In Russ.)
- Rafikova Ya. V. The disturbed pair burial of mound 9, burial ground Berezovskii V, in the Eastern Orenburg region. In: Jubilee Twenty First Ural Archaeological Meeting. Conference Proceedings (Samara; October 8–11, 2018). Samara: Samara State University for Social and Pedagogical Sciences; Porto-Print, 2018. Pp. 159–161. (In Russ.)
- Rafikova Ya. V., Savelyev N. S. Disturbed burials of the Late Bronze Age burial ground *Tashla-1* in Bashkir Trans-Urals. *The Ufa Archaeological Herald*. 2015. No 15. Pp. 13–20. (In Russ.)
- Rafikova Ya. V., Savelyev N. S. Paired burials of the Late Bronze Age burial ground *Tashla-1* in Bashkir Trans-Urals. In: Tairov A. D. (ed.). Ethnic Interactions in the Southern Urals. Conference proceedings. Chelyabinsk: GKM. 2015. Pp. 151–159. (In Russ.)
- Sorokin V. S. Bronze Age Burial Ground of *Tasty-Butak 1* in Western Kazakhstan. Ser. 'Soviet Archaeology: Materials and Studies'. 1962. Vol. 120. 207 p. (In Russ.)
- Tkachev V. V. Mining and metallurgical production in the structure of economic and cultural models of the western periphery of the Alakul culture. *Ural Historical Journal*. 2019. No. 1 (62). Pp. 38–47. (In Russ.). DOI: 10.30759/1728-9718-2019-1(62)-38-47
- Tkachev V. V. Radiocarbon chronology of the Kozhumberdy cultural group on the western periphery of the Alakul area. *Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii*. 2016. No. 3 (34). Pp. 68–77. (In Russ.). DOI: 10.20874/2071-0437-2016-34-3-068-077
- Usmanova E. R. Symbolic and destroyed burials in the 'text' of Andronovo funeral rite (based on the materials of the Lisakovsk Burial Complex, 2nd millennium BC). In: Ancient Necropolises and Settlements. Post-Burial Rites, Symbolic Burials and Grave Plundering. Ser. 'Institute for the History of Material Culture (RAS). Transactions'. Vol. 46. St. Petersburg: Institute for the History of Material Culture (RAS), Nevskaya Knizhnaya Tipografiya, 2016. Pp. 56–71. (In Russ.)
- Vasilyev V. N., Fedorov V. K., Rafikova Ya. V. New funerary monuments of the Bronze age from the Orenburg Trans-Urals. *The Ufa Archaeological Herald*. 2008. No. 8. Pp. 39–43. (In Russ.)

